

**Книга памяти:
Екатеринбург
репрессированный
1917 – сер. 1980-х гг.**

Часть I. Научные исследования

Издательские решения
По лицензии Ridero
2021

УДК 82-9
ББК 76.01
К53

Издано по инициативе и при участии Музея истории Екатеринбурга
и АНО «Волонтерское общество Свердловской области»

Научный редактор В. М. Кириллов

Рецензенты:

В. П. Мотревич, доктор исторических наук, профессор УрГЮА;

О. С. Поршнева, доктор исторических наук, профессор УрФУ имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Авторы: Кириллов В. М., Быкова С. И., Вебер М. И.,
Дробина И. В., Килин А. П., Кириллова Т. С., Константинов С. И.,
Миронова-Шушарина Е. Ю., Мосин А. Г., Олешко В. Ф., Парфенова Е. Г.,
Паэгле Н. М., Печерин А. В., Печуркина Р. А., Погорелов С. Н.,
Прищепа А. И.

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Книга памяти: Екатеринбург репрессированный 1917 – сер.
К53 **1980-х гг.** : Часть I. Научные исследования / В. М. Кириллов
[и д. р.]. – [б. м.] : Издательские решения, 2021. – 720 с.
ISBN 978-5-0055-7562-3 (т. 1)
ISBN 978-5-0055-7563-0

Коллективная монография в жанре книги памяти. Совмещает в себе аналитические статьи известных ученых Урала по различным аспектам истории государственного террора на материале Екатеринбурга-Свердловска, проблемам реабилитации и увековечения памяти жертв политических репрессий с очерками о судьбах репрессированных, основанными на источниках личного происхождения.

УДК 82-9
ББК 76.01

16+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0055-7562-3
ISBN 978-5-0055-7563-0

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Введение	9
Глава 1. Проблемы историографии политических репрессий в СССР и на Урале (1917–1980-е гг.) (В. М. Кириллов)	18
Глава 2. Террор в годы Гражданской войны	41
2.1. Красный террор и орган его осуществления – УралоблЧК в 1918 г. (С. И. Константинов)	41
2.2. Екатеринбургский концлагерь №1: история, контингенты, социальный состав репрессированных (С. И. Константинов)	56
Глава 3. Лишение избирательных прав граждан в 1920–1930-е гг. как инструмент негативной социальной селекции ..	70
3.1. Правовая основа процесса лишения избирательных прав (А. П. Килин)	70
3.2. Процесс восстановления в избирательных правах (А. П. Килин)	84
Глава 4. Церковь и советский атеизм	101
4.1. Этапы репрессивной политики по отношению к церкви и верующим (А. В. Печерин)	101
4.2. Социальный портрет репрессированных священнослужителей (А. В. Печерин)	112
Глава 5. Репрессии по контрреволюционным делам 1928–1939 гг.	127
5.1. Борьба за новую генеральную линию партии. 1928–1935 гг. (В. М. Кириллов)	127
5.2. Подготовка и осуществление Большого террора. 1936–1938 гг. (В. М. Кириллов)	181
5.3. «Восстановление законности» в деятельности репрессивных органов. 1938–1939 гг. (В. М. Кириллов) ..	223
5.4. «Время-татья»: особенности темпоральных и политических представлений жителей Уральского региона в 1930-е гг. (С. И. Быкова)	244

5.5. «История покажет, что от лукавого...»: представления уральцев о масштабах и причинах массовых репрессий (С. И. Быкова)	263
5.6. Способы речевого воздействия на сознание читателей газеты «Уральский рабочий». 1928–1937 гг. (Т. С. Кириллова)	281
Глава 6. Борьба с инакомыслием на Урале (конец 1940-х – середина 1980-х гг.)	291
6.1. Окончание Великой Отечественной войны и усиление критических настроений на Урале во второй половине 1940-х – середине 1960-х гг. (А. И. Прищепа)	291
6.2. Самодеятельные политические кружки уральской молодежи середины 1940-х – середины 1960-х гг. (А. И. Прищепа)	306
6.3. Нелегальная политическая деятельность и правозащитное движение на Урале в 1960–1980-х гг. (А. И. Прищепа)	316
Глава 7. Технология террора и исполнители	335
7.1. Законодательная основа политических репрессий (1917–1950-е гг.) (В. М. Кириллов)	335
7.2. «Сдохнешь, но подпишешь». Методы получения признательных показаний в системе УНКВД по Свердловской области в годы Большого террора (А. Г. Мосин)	360
7.3. Личности советского и партийного руководства Урала в 1917–1918 гг. (С. И. Константинов)	380
7.4. Комендант Верх-Исетского завода подпоручик М. К. Ермохин: эпизоды биографии (М. И. Вебер)	386
7.5. Судьба первого председателя Уральского областного суда Н. В. Жирякова. Портрет на фоне эпохи (С. И. Константинов)	414
7.6. Екатеринбургская Губчека в 1919–1922 гг. (С. И. Константинов)	436

7.7. Зоны массовых захоронений 1930–1950-х годов у Нового и Старого Московских трактов («12 км», «с/к Динамо») в районе Квашнинского рудника (С. Н. Погорелов)	448
Глава 8. Масштабы государственного террора в СССР и процесс реабилитации репрессированных. (В. М. Кириллов)	492
Приложение 1. Сведения о количестве репрессированных в Свердловской области	502
Приложение 2. Гражданское население и репрессированные в СССР, Свердловской области и в Нижнетагильском регионе Урала (1926–1951 гг.)	503
Список сокращений	512
ФОТОГРАФИИ И ДОКУМЕНТЫ	515
К статьям Константинова С. И. (Глава 2)	517
К статьям Килина А. П. (Глава 3)	524
К статьям Печерина А. В. (Глава 4)	537
К статьям Кириллова В. М. (Глава 5)	544
К статье Константинова С. И. «Екатеринбургская Губчека в 1919–1922 гг.» (Глава 7)	621
Авторы	625
Примечания	631

и 15-я роты 108 полка и конского запаса во главе не с большевиком, а беспартийным поручиком Браницким. Большевики в это время срочно создавали объединенный революционный комитет [...] („2–3 дня сидели ночи напролет, вели переговоры“ Вайнер, Крестинский, Юровский, эсеры Доброклонский, Хотимский) [...] В революционный комитет вошли Крестинский, (как будто) Войков и поручик Браницкий [...] Сосновский, который был в тот период председателем октябрьского большевистского Совета где-то отсутствовал (сдрейфил, очевидно, где-то прятался) [...] Это было несомненно результатом паникерства в части Уральской организации [...] дней через 20 Крестинский заявил, что Революционный комитет заканчивает свое существование и власть снова переходит целиком в руки Советов»^[993].

Таким образом, радикализм революционного руководства Урала в переломную эпоху XX века объясняется пройденным им жизненным путем. В то же время портрет «рыцарей революции без страха и упрека» сложился во многом благодаря тому, что они оказались в стане победителей.

7.4. КОМЕНДАНТ ВЕРХ-ИСЕТСКОГО ЗАВОДА ПОДПОРУЧИК М. К. ЕРМОХИН: ЭПИЗОДЫ БИОГРАФИИ (М. И. ВЕБЕР)

Одной из наиболее заметных фигур, так или иначе связанных с белым террором в Екатеринбургском уезде, был комендант рабочего поселка Верх-Исетский завод, расположенного в одной версте от Екатеринбурга, подпоручик М. К. Ермохин. Наша публикация ставит своей целью осветить основные этапы биографии Ермохина, особое внимание уделив вопросу о его причастности к белому террору.

Чиновник почтового ведомства

Михаил Капитонович Ермохин родился в Екатеринбурге — 25 октября 1890 г.^[994] Родители его были мещане. Окончив Екатеринбургскую мужскую гимназию имени императора Алек-

сандра II, Ермохин поступил вольноопределяющимся на службу в армию.

В 1907–1909 гг. он служил в 12-м пехотном Великолуцком полку^[995]. В мирное время эта воинская часть была дислоцирована в Туле. С 1910 по 1914 гг. М. К. Ермохин проживал в Екатеринбургe и служил разъездным чиновником почтового ведомства, сопровождая перевозку почтовых отправок по железной дороге^[996]. Ничто не выдавало в скромном почтовом служащем жестокости и склонности к насилию.

На фронтах Первой мировой войны

21 июля 1914 г. М. К. Ермохин был мобилизован в армию. Первоначально он попал в 126-й пехотный запасной батальон, где сдал экзамен на прапорщика^[997]. 22 апреля 1915 г. Ермохин вместе с маршевым пополнением убыл на фронт. В действующей армии его распределили в 23-й пехотный Низовский генерал-фельдмаршала графа Салтыкова полк, входивший в состав 2-й бригады 6-й пехотной дивизии 15-го армейского корпуса 3-й армии Северо-Западного фронта. М. К. Ермохин принял участие в тяжелых боях на Люблинском направлении – т. н. Таневском сражении. 3 июля 1915 г. он был контужен в бою у дер. Эвунин и эвакуирован в тыл на лечение. С 31 июля по 19 августа 1915 г. Ермохин лечился в патронаже №1 Красного Креста в Екатеринбургe.

После выздоровления он не вернулся в 23-й пехотный Низовский полк, а был направлен в тыловую часть (возможно, это было связано с последствиями его контузии). С 12 сентября 1915 г. по 4 января 1917 г. Ермохин командовал взводом в 49-м обозном батальоне, подвозившим в войска продовольствие и другие припасы^[998].

С 17 января по 13 августа 1917 г. Ермохин снова на передовой – в рядах 335-го пехотного Анапского полка^[999], входившего в состав 2-й бригады 84-й пехотной дивизии 2-го армейского корпуса 9-й армии Юго-Западного фронта. В этот период полк вел позиционные бои в Карпатах. За участие в боевых действи-

ях Ермохин был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом^[1000].

В вихре Гражданской войны

В марте 1918 г. после демобилизации из армии Ермохин вернулся в родной Екатеринбург^[1001]. Однако мирная жизнь не прельщала боевого офицера. М. К. Ермохин принял участие в деятельности подпольной антибольшевистской организации, но был схвачен большевиками и оказался в городской тюрьме^[1002].

25 июля 1918 г. Екатеринбург был занят белыми, которые освободили Ермохина из заточения. Оказавшись на свободе, Ермохин сразу же вступил в ряды Народной армии. Сперва он служил в 1-й Верх-Исетской добровольческой роте, затем возглавил Следственную комиссию при комендатуре Верх-Исетского завода.

9 сентября 1918 г. подпоручик Ермохин и группа других офицеров из комендатуры Верх-Исетского завода (поручик С. С. Панов, подпоручик Б. Е. Онуфриев, прапорщики М. В. Бобылев, С. К. Химичев и М. Ф. Онуфриев) были зачислены в состав 25-го Екатеринбургского полка горных стрелков^[1003], которым руководил его бывший сослуживец по 12-му пехотному Великолуцкому полку царской армии — полковник С. М. Торейкин. В первой половине сентября 1918 г. в составе сводного батальона 25-го Екатеринбургского полка Ермохин принял непосредственное участие в боях с Красной армией к северу от Екатеринбурга — на т. н. Мостовском фронте.

После кратковременной командировки на фронт М. К. Ермохин вернулся обратно в Верх-Исетский завод. До конца года он возглавлял комендатуру Верх-Исетского завода и руководил работой ее Следственной комиссии. Кроме того, с 22 по 27 ноября 1918 г. Ермохин временно исполнял обязанности начальника милиции г. Екатеринбурга^[1004].

После захвата колчаковцами Перми Ермохина перевели из рабочего пригорода Екатеринбурга (поселка Верх-Исетский

завод) на аналогичную должность в рабочий пригород Перми — поселок Мотовилихинский завод. С 9 января по 23 февраля 1919 г. он возглавлял комендатуру Мотовилихинского завода^[1005]. 18 марта 1919 г. подпоручика Ермохина вновь перевели в комендатуру Верх-Исетского завода, а вскоре он был назначен комендантом всего Екатеринбургского уезда.

Знакомство с Дитерихсом

Весной 1919 г. в Екатеринбург приехал генерал-лейтенант М. К. Дитерихс, курировавший ход расследования убийств царской семьи. Вокруг Дитерихса начали группироваться монархически настроенные офицеры, среди которых были уполномоченный командующего Сибирской армией по охране государственного порядка и общественного спокойствия генерал-майор С. А. Домонтович и начальник Военного контроля при штабе гарнизона г. Екатеринбурга подполковник Н. И. Белоцерковский. Будучи по своим политическим взглядам монархистом^[1006], к этой компании примкнул и М. К. Ермохин.

Вероятно, представил Ермохина Дитерихсу Н. И. Белоцерковский, с которым Ермохин тесно взаимодействовал в ходе розыскных мероприятий, проводимых Военным контролем. Так, например, 15 апреля 1919 г. подпоручик Ермохин лично принял участие в спецоперации, организованной подполковником Н. И. Белоцерковским. Военный контроль заманил видных местных эсеров на конспиративную квартиру выступить перед группой рабочих, сочувствующих партии эсеров. На самом же деле, в роли рабочих выступали загримированные и переодетые агенты Военного контроля, старший помощник начальника Екатеринбургского Военного контроля капитан Е. И. Шуминский и подпоручик М. К. Ермохин.

В результате этой провокации была арестована группа членов партии эсеров: адвокат, бывший товарищ прокурора Петроградского Округного суда Е. А. Трупп, уполномоченный Областной инспекции труда Уральского края Н. А. Варгасов и регистратор городского статистического оценочного отдела г.

Екатеринбурга П. И. Ковалев. Этот инцидент вызвал в городе большой резонанс и протесты со стороны общественности. После личного вмешательства командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Р. Гайды, симпатизировавшего эсерам, Труппа, Варгасова и Ковалева выпустили на свободу.

Весной 1919 г. Ермохин сформировал и возглавил 1-й Егерский отряд особого назначения. В мае-июне 1919 г. этот отряд охранял местность вокруг Ганиной Ямы, где колчаковское следствие безуспешно искало останки расстрелянной большевиками царской семьи^[1007]. Затем отряд был передан в распоряжение главного начальника военно-административного района Восточного фронта генерал-майора С. А. Домонтовича. Фактически же, после своего назначения Главнокомандующим Восточным фронтом генерал-лейтенант М. К. Дитерихс использовал его в качестве личной охраны, что свидетельствует о степени доверия Дитерихса к Ермохину.

Участие в белом терроре

В воспоминаниях бывших узников колчаковских тюрем, собранных в 1920-е и 1930-е гг. местным истпартом, содержится немало упоминаний о порках и избиениях, к которым был причастен М. К. Ермохин. Стоит признать, что он оставил о себе недобрую память среди екатеринбургских и верх-исетских сторонников большевиков. Одно из наиболее ярких свидетельств о пытках, которым подвергали арестованных М. К. Ермохин и его подчиненные, оставил в своих воспоминаниях рабочий А. М. Лапин^[1008]. Его воспоминания хронологически относятся к событиям августа-сентября 1918 г. Однако жалобы на бесчинства Ермохина содержатся и в мемуарах, описывающих события 1919 г.

В 1937 г. писатель Ю. Н. Бессонов написал книгу «На фронте и в тылу: Рабочие Верхисетского завода. 1918–1921 годы», которая основана на воспоминаниях и устных рассказах жителей Верх-Исетского завода^[1009]. Зловещая фигура коменданта Верх-Исетского завода М. К. Ермохина занимает на страницах этой книги одно из центральных мест.

В целом, корпус мемуарных свидетельств, собранных истпартом, рисует Ермохина как человека со склонностью к садизму, лично участвующего в избиениях и порках арестантов. Можно ли доверять советским мемуаристам в этом вопросе? Ведь нередко они гиперболизировали или искажали пережитое во время Гражданской войны под влиянием государственной пропаганды или в силу других причин. Однако нам удалось найти документы и с колчаковской стороны, подтверждающие суровость характера М. К. Ермохина и его личное участие в пытках и издевательствах^[1010].

Уже после отступления белых из Екатеринбурга, 5 августа 1919 г. в г. Ишиме Ермохин проводил вечернюю поверку 1-го Егерского батальона особого назначения и обратил внимание, что четверо солдат из другой части, занятые приготовлением ужина у костра, не встали на ноги во время исполнения национального гимна «Коль славен наш Господь в Сионе»^[1011]. Ермохин приказал задержать их и отвести в расположение своего батальона. Получив от начальника штаба Главкомандующего Восточным фронтом полковника Д. Н. Сальникова устное разрешение наказать провинившихся солдат по своему усмотрению^[1012], Ермохин решил дать каждому солдату по 25 ударов плетьюми – наказание, не только не предусмотренное воинским уставом, но и прямо запрещенное приказом №275 от 6 мая 1919 г. бывшего командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Р. Гайды^[1013]. Трех солдат Ермохин выпорол лично, а затем устал и его сменил другой офицер из 1-го Егерского батальона особого назначения.

Как оказалось, выпороты были санитары Пермского госпиталя №1 Российского общества Красного Креста (РОКК) Борисов, Клементьев, Матинцев и Турицын. Весь день они разгружали на станции прибывший из Ялуторовска эшелон с ранеными и больными солдатами и только вечером получили возможность отдохнуть и поужинать, когда и попали, на свою беду, на глаза М. К. Ермохину. Выпоротые санитары пожаловались старшему врачу своего госпиталя Нагаеву, который провел их медицин-

ское освидетельствование и зафиксировал нанесенные побои^[1014].

7 августа 1919 г. старший врач Пермского госпиталя №1 РОКК Нагаев доложил об этом инциденте особоуполномоченному РОКК при штабе 1-й и 2-й армий А. Ф. Грахе^[1015]. Грахе, в свою очередь, обратился к начальнику штаба Главнокомандующего Восточным фронтом полковнику Д. Н. Сальникову с просьбой произвести дознание, а также выслал копии материалов своему непосредственному начальству — во Временное главное управление Российского общества Красного Креста.

Однако, несмотря на все старания А. Ф. Грахе, Ермохин понес не уголовное, а лишь дисциплинарное наказание за порку санитаров. По предписанию начальника походного штаба Главнокомандующего Восточным фронтом полковника Д. Н. Сальникова №18 от 2 сентября 1919 г. дело было окончено в дисциплинарном порядке: подпоручику М. К. Ермохину был объявлен выговор^[1016]. Это не удивительно, ведь именно у Сальникова Ермохин получил разрешение наказывать санитаров и карт-бланш в выборе способа наказания.

Тем не менее, дело о порке санитаров получило дальнейший ход. Временное главное управление Российского общества Красного Креста обратилось к главному военному прокурору генерал-майору Н. Ф. Кузнецову. Ознакомившись с материалами дела, Н. Ф. Кузнецов решил, что поступок М. К. Ермохина попадает под признаки статьи 1489 Уложения о наказаниях, предусматривающей уголовную ответственность «за причинение кому-либо с умыслом тяжких, подвергающих жизнь его опасности, побоев или иных истязаний или мучений»^[1017]. 15 сентября 1919 г. Кузнецов сделал доклад о деле Ермохина военному министру А. П. Будбергу. Будберг, известный своим принципиальным характером и нетерпимостью к разного рода беззакониям, наложил на докладе главного военного прокурора следующую резолюцию: «Представить Главнокоманд [ующему] Вост [очным] фронтом ген [ералу] Дитерихсу. Насилие и беззаконие не могут оставаться безнаказанными»^[1018].

Однако, учитывая доверительные отношения между Дитерихсом и Ермохиным, сложившиеся еще во время поиска останков царской семьи в Ганиной Яме, дело о порке санитаров Пермского госпиталя №1 РОКК в дальнейшем, скорее всего, было окончательно замято.

В целом же, как представляется, хорошо документированный стараниями Красного Креста эпизод с поркой санитаров в Ишиме в достаточной мере характеризует М. К. Ермохина и служит подтверждением тем оценкам, которые давали ему советские мемуаристы.

Белое Забайкалье и Приморье

После отставки М. К. Дитерихса с поста Главнокомандующего Восточным фронтом Ермохин получил новое ответственное поручение. В ноябре 1919 г. М. К. Ермохину было доверено возглавить русскую часть охраны золотого запаса, эвакуируемого из Омска на восток^[1019]. В какой-то момент пути охрана эшелона с золотым запасом целиком перешла в руки чехов. Дальнейшие следы Ермохина на время теряются в хаосе отступления.

Как бы то ни было, весной 1920 г. вместе с остатками колчаковской армии М. К. Ермохин оказался в Забайкалье, которое контролировал атаман Г. М. Семенов. У Семенова М. К. Ермохин, по его собственному свидетельству, служил начальником железнодорожной милиции на ст. Оловянная Забайкальской железной дороги^[1020]. Осенью 1920 г. Забайкалье было занято просоветскими войсками Дальневосточной республики. Однако Ермохину удалось избежать плена и своевременно уехать в Маньчжурию.

26 мая 1921 г. каппелевцы произвели антисоветский вооруженный переворот во Владивостоке. В Приморье установилась власть антибольшевистского Временного Приамурского правительства. Вместе с каппелевцами в Россию вернулся и принял активное участие в перевороте М. К. Ермохин. В белом Приморье он, к тому моменту уже в чине подполковника, служил начальником контрразведки при штабе Приамурского военного

округа^[1021]. В 1922 г. Ермохин также непродолжительное время работал начальником уголовного розыска в Императорской Гавани (ныне — г. Советская Гавань в Хабаровском крае).

Жизнь в эмиграции

В ноябре 1922 г., после ликвидации войсками ДВР последнего белого анклава в Приморье, М. К. Ермохин вместе с остатками Земской рати эвакуировался на территорию Маньчжурии. Вместе с Ермохиным в эмиграции в Маньчжурии оказалась и его семья — жена Юлия Максимовна, трое детей (дочери Тамара и Галина и сын Виктор), а также теща — Евдокия Васильевна Уркатова^[1022]. Ермохины поселились в г. Харбине, где была крупнейшая колония русских эмигрантов в Китае. В 1923–1931 гг. М. К. Ермохин работал в различных торговых фирмах в Харбине, в т. ч. в 1926–1931 гг. торговым представителем в оптовом отделе торгового дома «И. Я. Чурин и Ко»^[1023]. В сентябре 1931 г. он поступил на службу в уголовный розыск железнодорожной полиции на ст. Харбин^[1024].

Находясь в эмиграции, Ермохин активно участвовал в деятельности белоэмигрантских организаций. С 1922 по 1936 гг. он состоял в РОВСе^[1025]. В августе 1935 г. в Маньчжоу-го была создана новая военизированная организация белоэмигрантов — Дальневосточный союз военных. М. К. Ермохин занимал в ней руководящую должность — осенью 1936 г. он был назначен начальником одного из территориальных отделов (с центром на ст. Пограничная) Пограничного района Дальневосточного союза военных^[1026].

Протест советского консула

В 1932–1937 гг. М. К. Ермохин служил в русском отряде железнодорожной полиции Маньчжоу-го на ст. Пограничная. С этим периодом в его жизни связан еще один задокументированный факт участия Ермохина в издевательствах и пытках над заключенными.

7 января 1937 г. генеральный консул СССР в г. Харбине М. М. Славущий направил Особому агенту МИД Северной

Маньчжурии Ши-Люй-Бэнь дипломатическую ноту с протестом против пыток, которым подвергались арестованные советские граждане в местной полиции^[1027]. Советские дипломаты сняли показания и организовали медицинское освидетельствование 26 советских граждан, находившихся в различных местах заключения в Маньчжурии и вышедших на свободу в ноябре 1936 г. Среди примеров пыток, приведенных в ноте протеста, упоминаются два случая на ст. Пограничная, где служил в этот период в железнодорожной полиции М. К. Ермохин. Один из подвергшихся пыткам на ст. Пограничная советских граждан — Д. П. Мищенко — в своих показаниях прямо упоминает Ермохина среди тех сотрудников полиции, кто его допрашивал и бил.

Копия дипломатической ноты советского консула М. М. Славцкого сохранилась в личном деле М. К. Ермохина в Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурии — вероятно, в качестве компрометирующего материала. Несмотря на выдвинутые советским дипломатом обвинения в пытках, Ермохин не только не понес какого-либо уголовного наказания, но даже не был уволен из полиции. В 1938–1939 гг. М. К. Ермохин служил в управлении полиции г. Цицикар, а в 1940 г. — в управлении полиции г. Суйхуа^[1028].

В 1940–1941 гг. Ермохин работал в частной фирме в Харбине^[1029]. С августа 1941 г. — на различных должностях (например, делопроизводителем по хозяйственной части) в отделении БРЭМ на Мулинских копях. Кроме того, он заведовал там же Русским национальным клубом^[1030].

Репатриация и суд

В августе 1945 г. Маньчжурия была занята советскими войсками. СМЕРШ незамедлительно приступил к арестам белоэмигрантов. Ермохин попадал в поле зрения советской военной контрразведки и как активный участник Гражданской войны в России, и как видный представитель военной эмиграции, работавший в эмигрантской администрации, и как бывший полицей-

ский Маньчжоу-го. Как и многие другие белоэмигранты, которым не удалось вовремя уехать из Маньчжурии, он был арестован советскими органами госбезопасности и репатриирован в СССР. В 1949 г. М. К. Ермохин был приговорен к 15 годам лагерей^[1031]. Наказание отбывал в Иркутской области, где, по имеющимся данным, и скончался в конце 1950-х гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ПУБЛИКУЕМЫЕ ДОКУМЕНТЫ

№1

Воспоминания А. М. Лапина о белом терроре
[после 1924 г.]^[1032]

В застенке карательного отряда Ермохина

Зверские расправы, пытки и расстрелы озаменовали вступление Колчака^[1033] в столицу красного Урала, быв [ший] Екатеринбург, ныне Свердловск. Буржуазия, вооружившись до зубов, ликовала, обагрив руки в рабочей крови. Тюрьмы сразу были переполнены, но их оказалось мало, пришлось занять ряд домов (быв [ший] дом Ардашева и частью Гостиного двора). Нас, не успевших отступить (не были сняты с караула), захватили в первую очередь и передали на расправу карательного отряда поручика ЕРМОХИНА. Отряд Ермохина^[1034] состоял частью из бывших воров-рецидивистов и частью [из] всем известных местных хулиганов. Руководителями этой банды были самые отъявленные^[1035] монархисты Ермохинского пошиба. «Следственная комиссия» была подобрана на подбор из самых надежных людей, которая пользовалась под покровительством Ермохина и контрразведки неограниченной властью. При такой обстановке приступил адмирал Колчак к созданию правопорядка и вытравлению «большеви [с] тской заразы» при полной поддержке эсеров и меньшевиков, вручивших ему впоследствии, через организованное Временное коалиционное правительство, верховную власть.

В первую ночь в «бывшей каталажке» при Верх-Исетской пожарной части нас, арестованных, набралось до 25-ти человек в одной камере. При конвоировании арестованных, как правило, их избивали до неузнаваемости и даже близкие знакомые товарищи не могли узнать до тех пор арестованного, пока не выясняли его фамилии и где он работает. Допросы начались по ночам, обычно часов с 11–12, прибывала «следственная комиссия» с отрядом Ермохинских орлов, по предложению комиссии выдавался список на руки нач. караула на лиц, подлежащих «опросу». Арестованных вызывали по одному. При выходе «на допрос» арестованный первый удар получал от лица, открывавшего дверь, замком или ключами по лицу и голове, далее его к столу комиссии сопровождала разнузданная, всегда пьяная, толпа бандитов-ермохинцев, награждая прикладами, нагайками, клинками и т. п. Здесь уже человек начинал терять сознание, тогда приступали «к допросу»: «Как фамилия, доброволец, на Дутовском фронте был, в отрядах участвовал, кто был с тобой в Красной гвардии и т. д.». И для того, чтобы опрашиваемый скорее развязал язык, его силой ложили на пол и принимались пороть шомполами и нагайками до тех пор, пока он не потеряет сознание, после чего на его изуродованное тело выливали 1–2 ведра холодной воды и, приведя в чувство этим «лекарством», вновь били. Как правило, протоколов давать подписывать не было. После допроса всего окровавленного человека, представляющего сплошной темно-фиолетовый кровавый кусок мяса, бросали обратно в камеру и вызывали следующего. «Допросы» эти продолжались до тех пор, пока члены «Комиссии» и ермохинские молодцы не устанут работать нагайками и шомполами. Таким допросам подверглись все участники по несколько раз, не считались и с женщинами, вплоть до изнасилования несовершеннолетней девочки всем караулом.

И так на протяжении всего времени нашего пребывания у ермохинцев, два раза устраивали общую порку по камерам, где били чем попало, в особенности в ту ночь, когда Жебнев был на подступах к Екатеринбург^[1036]. Ворвалась ватага пьяных

ермохинцев и казаков, били нагайками, призывали сесть, брали винтовку за штык и с размаху ударяли по голове первого сидящего, и кровью от вырванного прикладом из головы куска мяса обрызгивало близь сидящих 2–3 человека. Стены камеры после этой бани были сплошь в крови, арестованные лежали в камере неподвижно, беспомощные.

Полученные глубокие раны от пинков нечем было перевязать, и у некоторых из товарищей — старика Орлова, Низковских и Блохина началось загнивание ран, что еще больше приносило боли, перевязать же было нечем, так как все белье у всех представляло сплошь огрубевшую от засохшей крови материю, и достать чистого белья или бинтов через передачу было невозможно, и ее не разрешали. Приносимые продукты — передача для арестованных — проходили через руки ермохинцев, которые забирали себе, что им нравилось, и передавали то, что им не нужно, или же совсем ничего не передавали. Несмотря на пытки ермохинцев, арестованные держались стойко и никого не выдавали, несмотря на то, что среди нас были и такие товарищи, которые совершенно нигде не участвовали, но прекрасно знали многих из нас участников, но об них не обмолвились ни словом и несли до конца вместе с нами эти лишения.

При выкапывании^[1037] первых жертв, погибших в борьбе за защиту Урала, похороненных у ворот ВИЗа перед собором на площади^[1038], здесь работало 19 человек. В эту ночь их избили до неузнаваемости и, возвратившись в камеру, они нам сообщили, что сегодня ночью их ожидает расстрел, и вскоре их от нас перевели в другую камеру — камеру смертников. В первом часу ночи 23-го августа их выводили. Один из них Берсенов Владимир (рабочий Монетки^[1039]) успел лишь крикнуть: «Прощайте, товарищи!». И было слышно какой-то глухой звук, по-видимому его чем-то ударили тяжелым, и все стихло. Предварительно раздев арестованных до нижнего белья, их пропустили через строй, избивая вновь прикладами и нагайками, повели рыть могилу на свалку у татарского кладбища для себя и для товарищей, похороненных у ВИЗа, и там сре-

ди спущенных гробов в этой могиле их замучили окончательно.

Так зверски были убиты 19 человек^[1040] в одну ночь и [в] следующие 11 и 12 человек^[1041]. Семьям всех расстрелянных товарищей было предложено ермохинцами в трехдневный срок покинуть пределы Верх-Исетского завода и города [Екатеринбурга]. Всего при мне за время пребывания в застенке Ермохина расстреляно 42 чел [овека], а их гораздо больше. Вот имена тех, кто до последней минуты были тверды и преданы делу рабочих и погибли от разнузданной шайки бандитов-ермохинцев:

1. БЕРСЕНЕВ Виктор – рабочий молотобоец кузнечн [ого] цеха Монетки
2. БЕЛЫХ – литейщик Монетки
3. МУТНЫХ – столяр Монетки
4. БЛОХИН Михаил – столяр Монетки
5. КИРЕЕВ Александр – столяр Монетки
6. МОСЕЕВСКИХ Степан – котельщик Монетки
7. НИЗОВСКИХ Семен – рабочий ВИЗа
8. ВОЛЧИХИН – рабочий Монетки
9. ДЯТЛОВ – рабочий ВИЗа
10. ЗОТИН – рабочий ВИЗа
11. ДОРОНЕНКО – рабочий ВИЗа
12. АНИКИН – рабочий ВИЗа
13. МЕДВЕДЕВ
14. БЛОХИН Сергей
15. БАХТЕЕВ
16. ЧЕПУРИН
17. ОВЧИНКИН – рабочий спичечной фабрики^[1042], и друг [ие], фамилии которых не помню.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ПОГИБШИМ БОРЦАМ. РАБОЧИЙ УРАЛА
ПАМЯТЬ О НИХ СОХРАНИТ.

б [ывший] рабочий Монетки котельщик А. Лапин^[1043]

Верх-Исетский завод,
ул. Колмогорова, [дом] №36^[1044]
ЛАПИН Алексей Матвеев [ич]
член ВКП (б) №0587241^[1045]

ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 192. Л. 69–70. Подлинник.
Машинопись.

№2

Отношение особоуполномоченного РОКК
при штабе 1-й и 2-й армий А. Ф. Грахе
начальнику штаба Главкомандующего Восточным
фронтом полковнику Д. Н. Сальникову №337 от 12.08.1919
Копия

При сем имею честь препроводить Вам отношение старшего
врача госпиталя №1-й д [окто] ра Нагаева от 7 августа
1919 г. за №4625, с приложенным к нему актом медицинского
освидетельствования и 2-мя показаниями – по делу четырех
санитаров Пермского госпиталя Кр [асного] Креста – Турицы-
на, Борисова, Клементьева и Матинцева – на Ваше распоряже-
ние.

Приложение: отношен [ие] за №4625^[1046], акт мед [ицинско-
го] осв [идетельствования]^[1047] и 2 показан [ия]^[1048].

Особоуполномоченный А. ГРАХЕ

Делопроизводитель Орлова

Верно:

Делопроизводитель

Орлова

РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 167. Л. 168. Заверенная копия. Машинопись.

№3

Рапорт старшего врача Пермского госпиталя №1 РОКК
Нагаева особоуполномоченному РОКК при штабе
1-й и 2-й армий
А. Грахе №4625 от 07.08.1919
Копия

5-го сего августа на ст. Ишим в составе одного из эшелонов прибыли из Ялуторовска три платформы, нагруженные больными и ранеными солдатами. После работ в амбулатории по приемке и отправлении заразных больных из упомянутого эшелона в лазарет Красного Креста четыре санитары вверенного мне госпиталя ТУРИЦЫН, БОРИСОВ, КЛЕМЕНТЬЕВ и МАТИНЦЕВ, возвратившись вечером со станции в расположение обоза госпиталя во дворе новой Железнодорожной школы, усталые расположились рядом со школой на площади, развели маленький костер и сели отдохнуть и жарить себе пищу на костре. В это время на той же площади на некотором расстоянии происходила вечерняя поверка солдат Егерского отряда. После поверки к упомянутым санитарам подошел офицер и приказал им следовать за собой к начальнику Егерского отряда, оставшемуся на площади, чему они беспрекословно повиновались. Начальник отряда, спросив какой части санитары, приказал отвести их в помещение Егерского отряда в пакгаузе против школы, где они были переданы часовому, стоящему у дверей. Через некоторое время явился туда же начальник Егерского отряда и приказал одному за другим из приведенных санитаров лечь и нанес 25 ударов плетью одному санитару, второму и третьему, причем рядом стоящий офицер считал число ударов; четвертому санитару нанес 25 ударов плетью офицер, считавший удары начальника отряда. После порки начальник Егерского отряда приказал санитарам выйти вон. Об изложенном в тот же вечер

мне было доложено пострадавшими санитарями. При медицинском осмотре упомянутых четырех санитаров оказалось, что всем четырем санитарам нанесены побои, о чем при сем представляю акт. На другой день 6-го сего августа ввиду отсутствия уведомления со стороны начальника отряда для выяснения происшедшего я сам обратился к начальнику 1-го Егерского отряда особого назначения подпоручику ЕРМОХИНУ, который заявил, что упомянутые четыре санитаря действительно им выпороты.

Подробности моего объяснения с подпоручиком ЕРМОХИНЫМ, происходившего в присутствии чиновника поручений при особоуполномоченном Красного Креста, отставного капитана Е. М. Иолшина, я могу, в случае необходимости, изложить.

Ко всему вышеизложенному считаю необходимым указать, что все четыре подвергшихся побоям — санитары из мобилизованных и добровольно сдавшихся военнопленных красноармейцев, ни в чем дурном замечены не были и несли и несут свои обязанности по обслуживанию больных и раненых воинов хорошо и добросовестно.

Сообщая о происшедшем случае, прошу Вашего ходатайства пред надлежащими военными властями о производстве законного расследования.

Приложение: акт медицинского освидетельствования №4624^[1049].

Старший врач госпиталя Нагаев

С подлинным верно:

Делопроизводитель Походн [ой] канц [елярии]
особоуп [олномоченного] Р [оссийского]
о [бщества] Кр [асного] Креста
при штабе 1 и 2 армий

Л. Орлова

Препроводить начальнику штаба Главкомандующего Восточным фронтом с просьбой произвести дознание и меня о результате уведомить. С отношения и акта снять по 2 копии, из коих одну послать в Главкредит на распоряжение. 08.08.1919 г. А. ГРАХЕ

Прошу полковника Н. Я. Бутыгина [о] просить по сему делу д[окто]ра Нагаева и чиновн[ика] особ[ых] поруч[ений] Е. И. Иолшина и представить мне их объяснения — в 2 коп[иях]. А. ГРАХЕ

Представляю настоящую переписку г. особоуполномоченному Р [оссийского] о [бщества] Красного Креста на фронте — Полковник Бутыгин. 11 августа 1919 г.

Верно:

Делопроизводитель

Орлова

РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 167. Л. 172. Заверенная копия. Машинопись.

№4

Акт медицинского освидетельствования санитаров Пермского госпиталя №1 РОКК Борисова, Клементьева, Матинцева и Турицына №4624
Копия^[1050]

1919 г. августа 5 дня. Мы, нижеподписавшиеся свидетельствовали санитаров Пермского госпиталя Красного Креста №1-й ТУРИЦЫНА, БОРИСОВА, КЛЕМЕНТЬЕВА И МАТИНЦЕВА, причем обнаружено: у каждого из вышеупомянутых санитаров кожа ягодичных областей и нижней части пояса усеяны линейными шириною в ½ сантиметра, несколько возвышающимися над по-

верхностью кожи, кровоподтеками светло-красного цвета: у МАТИНЦЕВА кроме того такие же кровоподтеки имеются и на кистях обеих рук. Из данных освидетельствования заключаем, что всем четырем санитарам нанесены побои каким-либо линейным предметом, каковым могла быть плеть.

Старший врач госпиталя Нагаев

Старший ординатор (подпись)

Младший ординатор (подпись)

С подлинным верно:

Делопроизводитель Походн [ой] канц [елярии]
особоуполном [оченного] Р [оссийского]
о [бщества] Кр [асного] Креста
при штабе 1 и 2 армий

Л. Орлова

РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 167. Л. 173. Заверенная копия.
Машинопись.

№5

Рапорт старшего врача Пермского госпиталя №1 РОКК
Нагаева полковнику Н. Я. Бутягину №4642 от 11.08.1919
Копия

На Ваше предложение дать письменное показание по поводу моего объяснения с подпоручиком Ермохиным, происходившего в присутствии чиновника [для] поручений при особоуполномоченном Красного Креста, отставного капитана Иолшина сообщаю о нижеследующем:

6-го августа во время следования моего к начальнику военных сообщений по делам службы с упомянутым чиновником поручений, я по дороге встретил начальника Егерского отряда, подпоручика Ермохина. После приветствия я спросил подпоручика Ермохина знает ли он о происшедшей накануне порке, на что он мне ответил, что им, подпоручиком Ермохиным, четыре солдата накануне действительно были выпороты и далее объяснил, что во время вечерней поверки Егерского отряда и исполнения музыки гимна на некотором расстоянии от отряда на той же площади четыре солдата, находившиеся у поста, не встали со своих мест и оставались лежать и сидеть, почему он, подпоручик Ермохин, их арестовал и выпорол. На мой вопрос знает ли подпоручик Ермохин, кто такие солдаты, которых он выпорол, он ответил, что они из красноармейцев, санитары лазарета Красного Креста. На мой следующий вопрос по собственной-ли инициативе выпороты упомянутые санитары, подпоручик Ермохин сказал: «по распоряжению начальника штаба фронта». Когда же я повторил свой вопрос действительно-ли по распоряжению начальника штаба это сделано, подпоручик Ермохин поправился, сказав, что начальник штаба такого распоряжения не отдавал и далее объяснил, что о происшедшем случае во время вечерней поверки Егерского отряда им, подпоручиком Ермохиным, в тот же вечер было доложено начальнику штаба фронта, на что последний заметил: «делайте, что хотите».

После этого он, подпоручик Ермохин, возвратившись в расположение отряда, выпорол санитаров. К этому подпоручик Ермохин добавил, что за это своих солдат он расстрелял бы и что кроме этих санитаров он выпорол еще двух солдат за то же самое.

Старший врач Нагаев

С подлинным верно:

Делопроизводитель Походн [ой] канцелярии
особоуполн [омоченного] Р [оссийского]
о [бщества] Кр [асного] Креста
при штабе 1 и 2 армий

Орлова

РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 167. Л. 170–171. Заверенная копия.
Машинопись.

№6

Отношение заведующего военно-судной частью штаба
Главногокомандующего Восточным фронтом
генерал-лейтенанта
В. А. Тыртова и. д. начальника Главного военно-судного
управления и главного военного прокурора
генерал-майору Н. Ф. Кузнецову №206 от 09.09.1919

Представляя при сем переписку по делу о нанесении побоев
4-м санитарам подпоручиком Ермохиным, довожу до Вашего
сведения, что по справке, данной мне начальником канцелярии
походного штаба ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО Восточным фронтом
армий, настоящее дело, по предписанию начальника названного
штаба^[1051] от 2-го сентября с. г. за №18, окончено в дисципли-
нарном порядке и подпоручику Ермохину объявлен выговор,
о чем было сообщено г [осподину] Грахе 5-го сентября с. г.
за №1880^[1052].

ПРИЛОЖЕНИЕ: Переписка на 7 листах.

Заведующий военно-судной частью штаба
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО Восточным фронтом армий,
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

9 сентября 1919 г.

№206

гор. Омск

Обер-офицер для поручений и делопроизводства

Подпоручик

Горовенский

РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 167. Л. 166. Заверенная копия.

Машинопись.

№7

Доклад и. д. главного военного прокурора генерал-майора

Н. Ф. Кузнецова военному министру генерал-лейтенанту

А. П. Будбергу №2324 от 15.09.1919

2-го сего сентября за №5512 председателем Временного главного управления Российского общества Красного Креста мне была препровождена переписка о незаконных действиях подпоручика Егерского отряда ЕРМОХИНА, выразившихся в том, что 5-го августа на ст. Ишим подпоручик Ермохин приказал выпороть четырех санитаров Пермского госпиталя Красного Креста №1 – ТУРИЦЫНА, БОРИСОВА, КЛЕМЕНТЬЕВА и МАТИНЦЕВА.

Приказание это было исполнено, хотя никаких оснований к производству этого неуставленного в законе наказания не имелось.

4-го сего сентября при №2189 вся указанная переписка была мной препровождена заведующему военно-судной частью фронта для передачи подлежащему военному прокурору для законного направления.

9-го сентября за №206 заведующий военно-судной частью Восточного фронта, возвратив мне переписку, сообщил, что дело это по предписанию начальника штаба Восточного фронта от 2-го сентября с. г. за №18 окончено в дисциплинарном порядке. Подпоручику Ермохину объявлен выговор.

Принимая во внимание:

1) Что в действиях подпоручика Ермохина могут заключаться признаки уголовно-наказуемого деяния (1489 ст [атья] Ул [ожения] о нак [азаниях])^[1053], подведомственного военному суду, и

2) что за силою 12 ст [атьи] Дисциплинарного устава это дело не может быть закончено в дисциплинарном порядке,

Я ПОЛАГАЛ БЫ:

Всю переписку по данному вопросу передать Главнокомандующему Восточным фронтом для направления через подлежащего военного прокурора Общего корпусного суда по закону.

ЗАКОН: 63 ст [атья] Воен [но] -Суд [ебного] уст [ава].

ПРИЛОЖЕНИЕ: Переписка^[1054].

Генерал-майор

Кузнецов

Представить Главнокоманд [ующему] Вост [очным] фронтом ген [ералу] Дитерихсу. Насилие и беззаконие не могут оставаться безнаказанными. Г [енерал] -л [ейтенант] *Будберг*

РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 167. Л. 165. Подлинник.
Машинопись.

№8

Из дипломатической ноты генерального консула СССР
в Харбине М. М. Славуцкого
Особому агенту МИД Северной Маньчжурии
Ши-Люй-Бэнь №011/01 от 07.01.1937
Копия

Господин Особый агент,

Мне неоднократно приходилось устно и письменно обращать Ваше внимание на исключительный произвол, существующий в Маньчж [о] у-го в отношении советских граждан, на беспричинные аресты их и на возмутительные насилия над ними в маньчжурских тюрьмах, каковые факты вызывают негодование властей и общественности СССР и серьезно вредят нашим отношениям. Перечисление только лишь дат этих моих обращений к Вам заняло бы много места.

Ныне по распоряжению Народного комиссариата по иностранным делам СССР я имею честь привлечь самым серьезным образом внимание к нижеследующему.

13-го и 14-го ноября истекшего года были освобождены 26 советских граждан, беспричинно содержащихся в исключительно тяжелых условиях в течение многих месяцев в Харбине, Маньчжурии, Пограничной и др [угих] пунктах. Во время пребывания этих граждан в местах заключения я неоднократно обращался к Вам с представлениями по поводу совершившихся там над ними неопишуемых издевательств и насилий, вызывавших серьезные опасения за состояние их здоровья и жизнь^[1055]. Однако, несмотря на приводимые мною в каждом случае конкретные факты, Вы, г-н Особый агент, неизменно считали по возможности отвечать мне, что полицейские власти категорически отрицают подобные обвинения. Лишь в одном случае, а именно – 27 мая прошлого года, в беседе со мной Вы отметили, что допускаете возможность проявления отдельными белыми чинами полиции личной неприязни по отноше-

нию к арестованным советским гражданам, но считает [е] абсолютно исключенным жестокое обращение с арестованными со стороны полицейских властей, в частности, чинов полиции японской национальности, поскольку это порочило бы официальные учреждения Маньчж [о] у-го.

Полученные ныне, в результате опроса и специального медицинского освидетельствования означенной выше группы освобожденных советских граждан, данные с неопровержимой убедительностью подтверждают все мои указанные неоднократные представления.

<...>

Подобное неслыханное обращение с арестованными имело место не только в Харбине, но и во всех др [угих] пунктах МНЖ.

Так, находящийся под арестом с 4-го авг [уста] по 14-е ноябрь на ст. Погр [аничной] советский гражд [анин] МИЩЕНКО Д. П. ^[1056] в своем заявлении пишет:

«[...] на крыльце жандармерии меня встретили два японских жандарма и белогвардеец-жандарм Мих [аил] ЕРМОХИН^[1057], который потащил меня в помещение жандармерии^[1058]. Меня заставили раздеться и начали бить. После избиения заставили одеться, а затем Ермохин прикрепил меня кандалами к койке, у которой я стоял до 2-х часов дня. В два часа дня пришли четыре белогв [ардейца] -полиц [ейских]: Егупов, Меликов, Ермохин и один неизвестный, а также 4 японца. Они заставили меня раздеться. Один из яп [онцев] взял меня за бок и 3 раза бросил на пол, после третьего раза я потерял сознание. Затем два белогвардейца наступили ногами на руки, прижали доской ноги и стали бить бамбуками. Я снова потерял сознание. [нрзб]. В 11 часов меня снова били бамбуками до тех пор, пока я не потерял сознания, после чего мне снова производили вливание в рот воды и обливали водою. Вылили пять чайников холодной воды. Затем предложили встать. Положили на голову маленькую скамейку и заставили держать за ножки, и стали бить по верхней доске скамейки бамбуками с тем, чтобы оглушить меня. Когда я упал, потеряв сознание, меня подняли, так как я не мог

стоять, меня поставили к стенке и снова оглушили тем же способом. Я опять упал...

5.VIII снова Ермохин и тот же японец тем же способом, что и 4-го августа, бросили меня на пол. Ермохин расстегнул [мои] кальсоны и сказал: «Что тут делается. Давай скорее йод». Меликов подал йод и меня обмазали йодом. После этого Ермохин сказал, что «еще можно бить» и ударил ременной плеткой, от плети на спине получилась большая опухоль. Потом сверху легли на меня два человека — японец и русский, вследствие чего меня вырвало^[1059]. Тогда они встали и японец стал топтаться у меня на спине. Потом заставили меня повернуться и он продолжал топтаться на груди [...]

[...]8.VIII меня опрашивали Меликов и Ермохин. Причем Меликов предложил уплатить выкуп 500 гоби с тем, что они меня выпустят [...]

[...]10.VIII один из японцев взял меня за ухо, а другой японец ударил несколько раз по лицу и, стуча кулаками по голове, кричал «говори, Мищенко». Затем заставили снять сапоги, надели кандалы и в течение четырех суток лишили меня сна (не давали вздремнуть ни на минуту). Днем дежурили около меня русские, а ночью японцы. Если я начинал дремать, то меня били палкой, говоря при этом «не спи».

[...]14.VIII один японец схватил меня за кандалы и несколько раз перевернул через голову, другой толстый японец начал на мне прыгать, а потом ударил коленкой по груди и я потерял сознание, после чего мне снова стали вливать воду в рот [...]

[...] 13.IX меня вызвали из камеры и потребовали дать подписку о том, что меня не избивали [...]»^[1060]

Другой советский гражданин АВДЕЕВ И. Я., содержащийся под арестом с 3-го сентября по 14 ноября так же на ст. Пограничная в своем заявлении пишет:

«Меня допрашивал [и] Мельников и Воцилло в присутствии ЯМОМОТО. Стали требовать от меня, чтобы я сознался и поскольку мне сознаваться было не в чем, Воцилло, Рябович и Гантимуров принесли чайник с холодной водой, заставили ме-

ня лечь на скамью, связали бичевкой и стали вливать воду в рот и нос, и все требовать признаться. Сознаться мне было не в чем, но они все же в протоколе записали на заранее приготовленной бумажке слова, которые я не говорил [...]

<...>

Эти приведенные заявления подтверждаются и имеющим [и] ся в моем распоряжении официальными актами медицинского освидетельствования. Почти у всех освобожденных советских граждан установлено наличие синяков, кровоподтеков и рубцов от ран на различных участках тела, а у некоторых на икроножных мышцах изъязвленные рубцы воспаленной кожи вокруг, что явилось результатом избиения; у многих видны рубчики на кистях рук и других частях тела от прижигания сигаретами, у ряда лиц зафиксированы воспаления ногтевого лома от вкалывания острых предметов под ногти; у большинства отмечены болезненность мышц рук и следы от кровоподтеков на руках, а именно: на бицепсах, явившееся результатами подвешивания на палках; у многих ярко выражено потеря обоняния, носовой оттенок голоса и даже потеря голоса, а у некоторых следы гнойного воспаления среднего уха, каковые явления — прямой результат вливания жидкости в нос, наконец, медицинское освидетельствование устанавливает исключительно тяжелое общее состояние абсолютно всех освобожденных и необходимость для многих из них длительной лечебной помощи в условиях больничного или санитарного режима.

Я не стану останавливаться более детально на всех выводах медицинского освидетельствования, равно как не стану утруждать Ваше внимание приведением выдержек из заявлений других бывших под арестом советских граждан. Все они рисуют жуткие картины неслыханных издевательств, вопиющих насилий и варварских пыток темного средневековья.

Против этих вполне установленных фактов бесчеловечного обращения с арестованными советскими гражданами, в результате которого ряд лиц остались калеками, а один из арестованных — советский гражданин ПЕТРЕНКО И. И. — был замучен на-

смерть, по поручению Народного комиссариата по иностранным делам СССР заявляю самый решительный протест^[1061].

Эти факты вызывают тем более возмущение и негодование, что подобное обращение с советскими гражданами стало почти обычным во всех местах заключения Маньчж [о] у-Го, что я уже не раз протестовал против этого в прошлом и что мои протесты тем не менее оставались безрезультатными, несмотря даже на то, что ряд советских граждан, а именно: инженер ВОРОНИН, КИСЛЫЙ, ЛАУШКИН, КУЛЬБАЦКИЙ, ОСАДЧУК, БОГОМОЛОВ и другие были убиты в маньчжурских застенках японскими и белогвардейскими служащими полиции и жандармерии.

Совершенно очевидно, что все эти нетерпимые ни в одном культурном государстве факты могли явиться только прямым следствием безнаказанности чинов полиции и жандармерии, что поощряет их на самые изощренные методы насилия над советскими гражданами, ответственность за что ложится целиком на высшие маньчжурские власти, не принимающие ни каких мер к пресечению этого.

В связи с этим мне поручено потребовать немедленно и действительного привлечения к ответственности всех виновных в указанных выше вопиющих преступлениях и принятия эффективных мер к тому, чтобы подобные зверства не могли иметь места в дальнейшем.

Ожидая немедленного удовлетворения этих справедливых требований и возлагая на Маньчжурское правительство ответственность за последствия, могущие иметь место в случае продолжения политики зверских насилий в отношении советских граждан, я вместе с тем имею честь сообщить, что советское правительство не намерено больше терпеть подобных издевательств над своими гражданами, равно как и голословного отрицания установленных фактов вместо принятия мер, которое каждое цивилизованное государство в таких случаях принимает.

Оставляя за собой право вернуться к вопросу о компенсации как пострадавшим советским гражданам, так и семьям советских граждан, замученных на маньчжурских застенках, я

ожидаю Вашего скорейшего уведомления о принятии Вами мер для сообщения Народному комис [с] ариату по иностранным делам СССР^[1062].

Примите уверение в моем глубоком к Вам,
г. Особый агент, уважении.

Генеральный консул СССР в Харбине (М. СЛАВУЦКИЙ)^[1063]

ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 10–22. Копия.
Машинопись.

7.5 СУДЬБА ПЕРВОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ УРАЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО СУДА Н. В. ЖИРЯКОВА. ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ (С. И. КОНСТАНТИНОВ)

Впервые опубликовано: Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. №5. С. 74–85.

Попытки понять причины самоистребления российского народа в Гражданской войне начала XX века продолжают уже более 100 лет. В ряду теорий, ищущих объяснения произошедшего, выдвигались самые разные концепции. Р. Конквест писал о том, что в 1918–1920 гг. террор проводили фанатики, идеалисты, «люди, у которых при всей их беспощадности можно найти некоторые черты своеобразного извращенного благородства». Точку зрения Р. Конквеста разделял поэт Н. Коржавин. Ленинщина, считал он, это преступление, совершенное людьми, которые считали исторически необходимым его совершить^[1064].

Эти утверждения вызывали возражения других исследователей, которые считали, что террор в годы Гражданской войны осуществляли не фанатики, не идеалисты, а люди, лишенные всякого «благородства» и психических комплексов героев произведений Достоевского. М. Горький в 1918 г. призывал «не закрывать глаза на то, что теперь, когда народ завоевал право физического насилия над человеком — он стал мучителем



Быкова Светлана Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения департамента международных отношений УГИ Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина



Вебер Михаил Игоревич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН

- [992] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 28. Л. 6.
- [993] ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 28. Л. 7–8.
- [994] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 5.
- [995] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 1аоб.
- [996] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 7.
- [997] Там же.
- [998] Кручинин А. М. Белый Екатеринбург (1918–1919 гг.): армия и власть. Екатеринбург, 2018. С. 371.
- [999] Там же.
- [1000] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 4.
- [1001] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 7.
- [1002] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 8об.
- [1003] Кручинин А. М. Белый Екатеринбург (1918–1919 гг.): армия и власть... С. 126.
- [1004] Там же. С. 371.
- [1005] Там же.
- [1006] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 6об.
- [1007] Кручинин А. М. Белый Екатеринбург... С. 372.
- [1008] См. док. №1 (Приложение).
- [1009] Бессонов Ю. На фронте и в тылу: Рабочие Верхисетского завода. 1918–1921 годы (главы из истории завода). Свердловск, 1937. 96 с.
- [1010] См. док. №2–7 (Приложение).
- [1011] См. док. №3 (Приложение).
- [1012] См. док. №5 (Приложение).
- [1013] Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: Документы и материалы в 6 т. Пермский край. Т. 1. 1917–1940. Пермь, 2008. С. 212–213.
- [1014] См. док. №4 (Приложение).
- [1015] См. док. №3 (Приложение).
- [1016] См. док. №6 (Приложение).
- [1017] См. док. №7 (Приложение).
- [1018] См. док. №7 (Приложение).
- [1019] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 7об.
- [1020] Там же.

- [1021] Там же.
- [1022] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 5.
- [1023] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 6.
- [1024] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 8.
- [1025] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 6об.
- [1026] Смирнов С. В. Русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х гг.): дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2018. С. 367.
- [1027] См. док. №8.
- [1028] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 8об.
- [1029] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 1об.
- [1030] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930. Л. 5об.
- [1031] Константинов С. И. Биографии белых генералов и офицеров: Ермохин Михаил Капитонович // Девятые Романовские чтения. Екатеринбург, 2005. С. 150.
- [1032] Датируется по содержанию документа.
- [1033] Сведения не соответствуют действительности. Во время описываемых в воспоминаниях А. М. Лапина событий адмирала А. В. Колчака не было на территории России. Войска, занявшие Екатеринбург, подчинялись Временному Сибирскому правительству во главе с П. В. Вологодским.
- [1034] Здесь и далее по тексту документа подчеркнута черными чернилами неустановленным лицом – предположительно, сотрудником Истпарта.
- [1035] Исправлено. В документе ошибочно *объявленного*.
- [1036] Имеется в виду ночь с 8 на 9 августа 1918 г., когда 2-я бригада Средней дивизии 3-й армии под командованием комбрига П. И. Жебенева в ходе наступления вышла на ближние подступы к Екатеринбургу.
- [1037] После «выкапывании» зачеркнуто «арестованных».
- [1038] Имеется в виду братская могила, в которой были похоронены 7 красногвардейцев из Верх-Исетского завода, погибших во время экспедиции против атамана А. И. Дутова в марте-апреле 1918 г.
- [1039] Под Монеткой имеется в виду Екатеринбургский мо-

нетный двор, который был закрыт в 1876 г., а его производственные корпуса и оборудование переданы железнодорожным мастерским Уральской горнозаводской железной дороги, но название прижилось среди горожан.

[1040] Согласно записям в метрических книгах Успенского собора и Никольской церкви Верх-Исетского завода, 23 августа 1918 г. комендатурой были расстреляны 19 сторонников большевиков: В. А. Аникин, В. И. Берсенева, М. Я. Блохин, В. И. Волокитин, В. В. Волчихин, А. А. Дмитриев, А. А. Дироненков, А. М. Дятлов, П. И. Епанчищев, А. Т. Ерыкинов, В. А. Зотин, П. Н. Кудин, М. С. Лобов, Г. М. Мазунин, П. В. Медведев, С. М. Овчинкин, В. Я. Санников, В. П. Удинов и Н. И. Чечулин. (См.: Кручинин А. М. Белый Екатеринбург (1918–1919 гг.): армия и власть. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2018. С. 106).

[1041] 9 августа 1918 г. комендатурой Верх-Исетского завода было расстреляно 11 чел., в т. ч. 8 чел., чьи имена удалось установить по метрическим книгам: С. Ф. Блохин, С. Ф. Воробьев, А. Е. Гончаров, И. С. Коннаков, В. И. Медведев, И. И. Пьянков, М. П. Пьянков и Г. М. Фролов. 9 сентября 1918 г. была расстреляна еще одна группа большевиков, по метрическим книгам удалось установить имена 8 расстрелянных (И. Ф. Абрамов, С. Е. Нисковских, А. А. Разумов, П. Г. Савин, Ф. В. Свинцов, М. Д. Толстов, Г. П. Чепурин и А. К. Шаклеев), но возможно, что в общей сложности их было 12, как упоминает А. М. Лапин. (См.: Кручинин А. М. Белый Екатеринбург (1918–1919 гг.): армия и власть. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2018. С. 106–107).

[1042] Имеется в виду екатеринбургская спичечная фабрика акционерного общества «Василий Логинов».

[1043] Вписано зелеными чернилами.

[1044] Вписано зелеными чернилами.

[1045] Вписано зелеными чернилами.

[1046] См. док. №3.

[1047] См. док. №4.

[1048] См. док. №5.

[1049] См. док. №4.

[1050] Копия снята и заверена 07.08.1919.

[1051] Имеется в виду полковник Д. Н. Сальников.

[1052] На документе есть помета «10.09.1919 г. №2106» и «10.09. [1919]. Пров. к докладу Воен [ному] м [инист] ру. Г [енерал] -м [айор] *Кузнецов*».

[1053] 1489 статья Уложения о наказаниях предусматривала уголовную ответственность «За причинение кому-либо с умыслом тяжких, подвергающих жизнь его опасности, побоев или иных истязаний или мучений».

[1054] См. док. №2–6.

[1055] Три абзаца текста, начиная со слов *Мне неоднократно приходилось устно и письменно* и заканчивая словами *серьезные опасения за состояние их здоровья и жизнь*, выделены на полях документа красным карандашом.

[1056] Здесь и далее по тексту документа подчеркнуто красным карандашом неустановленным лицом.

[1057] Фамилия Ермохина выделена на полях документа вертикальной чертой красным карандашом.

[1058] Предложение выделено на полях документа двумя вертикальными чертами красным карандашом.

[1059] Предложение выделено на полях документа двумя вертикальными чертами красным карандашом.

[1060] Семь абзацев текста, начиная со слов *Так, находящийся под арестом* и заканчивая словами *дать подписку о том, что меня не избивали*, выделены на полях документа красным карандашом.

[1061] Абзац выделен на полях документа красным карандашом.

[1062] Два абзаца, начиная со слов *Ожидая немедленного удовлетворения* и заканчивая словами *Народному комис [с] ариату по иностранным делам СССР*, выделены на полях документа красным карандашом неустановленным лицом.

[1063] Исправлено. В документе ошибочно Н. СЛАВУЦКИЙ.